

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

УДК 930.1(091)(470.53)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИНТУИЦИЯ Л. Е. КЕРТМАНА

М. П. Лантева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
modhist@yandex.ru

Продолжается методологическая разработка понятия «интеллектуальная интуиция». Приводятся новые аргументы в пользу применимости данного термина. На основе собственных воспоминаний автор статьи рассматривает примеры интеллектуальной интуиции и научной пронизательности профессора Л. Е. Кертмана.

Ключевые слова: интеллектуальная интуиция, профессор Л. Е. Кертман, научная пронизательность, рецензия, историографическая ситуация.

Для продолжения существования той или иной научной школы особенно важна ее интеллектуальная атмосфера и сохранение тех традиций в ней, которые были заложены основателем научной школы. Представители тех поколений, которые лично и непосредственно испытали на себе влияние основателя, зачастую сохраняют верность темам, странам, сюжетам, которые изучались при становлении научной школы. Возможен и отход от них, и принципиальная смена научной стратегии. В таком случае влияние основателя проявляется в трудно формулируемых и нередко в не вполне осознаваемых формах, связанных исключительно с интуитивными процессами. Поскольку речь идет все-таки о творческом, исследовательском влиянии, такую интуицию я полагаю называть интеллектуальной.

Интеллектуальная интуиция, по Декарту, заключается в «понятии ясного и внимательного ума» [Декарт, 1950, с. 86]. Спиноза полагал, что интеллектуальная интуиция – это высший род познания. Шеллинг отождествил ее с интеллектуальным созерцанием. А вот Гегелю этот термин не понравился, он его высмеял, обвинив тех, кто его применял, в попытке считать знанием все, что кому-либо приходит в голову [Асмус, 1971, с. 17–123]. После беспощадной критики Гегеля европейские интеллектуалы долго не пытались настаивать на роли интуиции в научном познании (вплоть до появления «философии жизни»).

Современные авторы (в частности К. В. Хвостова) употребляют термин «исследовательская интуиция» [Знание о прошлом..., 2011, с. 31], что кажется мне близким к фактически забытому понятию интеллектуальной интуиции.

В какой степени проявлялась интеллектуальная интуиция Льва Ефимовича Кертмана? Каждый из его учеников может иметь собственное представление об этом, основанное на личных воспоминаниях. П. Ю. Рахшмир, давший подробный анализ творчества Л. Е. Кертмана, отметил, что читателям книги воспоминаний о нем «придется привыкнуть к тому, что прилагательное “интеллектуальный” довольно часто будет встречаться на ее страницах» [Мир личности..., 1991, с. 43]. Действительно, разные авторы этой книги утверждали, что Кертман был «интеллектуальным центром гуманитарной жизни Пермского университета». Вспоминали о том, что Лев Ефимович видел смысл своей деятельности не только в научных результатах, но и в «интеллектуальном наслаждении», отмечали его интеллектуальную мощь и постоянную «интеллектуальную включенность», особую интеллектуальную атмосферу вокруг него и даже точность «интеллектуальных мелочей» в его кабинете [Там же, с. 84, 101, 113, 128].

Однако ни в одном из мемуарных текстов тогда не был применен термин «интеллектуальная интуиция». Прошли годы, и мне все чаще вспоминаются эпизоды, анализ которых мог бы доказать наличие у профессора Кертмана именно такой интуиции. Например, однажды он попросил своих аспирантов завести конверт или папку, куда предложил складывать свидетельства о встречающихся в политической полемике фактах исторической аргументации. Вероятно, ему захотелось собрать

примеры такой аргументации у представителей разных политических партий, сил, направлений, поскольку работы аспирантов охватывали историческое пространство нескольких европейских стран в Новое и Новейшее время. Я привыкла серьезно относиться к любым просьбам своего научного руководителя и добросовестно завела такой конверт, и хранила его многие годы.

Возможно, мысль о таком сюжете могла возникнуть у Льва Ефимовича при изучении стенографических материалов британского парламента, поскольку в Англии издавна политическая полемика включала ссылки на исторические прецеденты. Ведь не случайно автор книги «Совершенный джентльмен», Г. Пичем, еще в 1622 г. советовал: не быть чужестранцами в истории собственной страны. По словам М. А. Барга, «джентльмен мог мало смыслить во всех других науках, но его грядущая карьера члена парламента, советника или мирового судьи требовала хотя бы самых общих знаний по истории: в ней он находил нужные прецеденты, примеры, поступки, изречения и даже законченные “речи” публично-правового характера» [Барг, 1976, с. 20–21].

На меня когда-то произвел впечатление эпизод из фильма «Леди Каролина Лэм», в котором муж героини произносит именно такую, насыщенную историческими примерами, речь. Однако в материалах германского рейхстага за 20-е гг. XX в. я подобных примеров не нашла, поэтому мой конверт оставался пустым. Мне неизвестно, были ли такие конверты или папки у других аспирантов. В любом случае, какой-то статьи на данную тему у Льва Ефимовича не появилось.

Прошло много лет, но и ныне сюжет, так и нереализованный Л. Е. Кертманом, привлекает внимание историков. Антиковед И. Е. Суриков ссылается на свой доклад по теме «Историческая аргументация и политическая полемика в античной Греции», зачитанный на круглом столе, тема которого почти повторяет задание, данное когда-то Львом Ефимовичем своим аспирантам: «Исторический факт как аргумент политической полемики» [Суриков, 2011, с. 504].

Другой пример, может быть, в еще большей степени демонстрирует интеллектуальную интуицию Кертмана. За время обучения у него в аспирантуре многие (особенно старательные девушки) записывали каждое его замечание или предложение. У меня сохранилась запись одного из разговоров с ним, сделанная в конце 60-х гг. Он просил подготовить текст, в котором «неясные вопросы прямо и подробно описывались бы в своей неясности». Иначе говоря, Л. Е. Кертман уже тогда пытался направить поиск своих аспирантов в том направлении, которое еще только предстояло признать исторической науке, когда еще только начинались многочисленные «повороты» гуманитарного знания (постмодернистский, лингвистический, культурный). Сейчас мы уже не удивляемся тому, что «гипотезы, сомнения и неуверенность автора стали частью изложения материала» [Современные методы..., 1996, с. 219], но тогда подобные тактические шаги научного руководителя могли быть возможны только благодаря его интеллектуальной интуиции.

Он был близок и к тому, что позже назовут «парадигматическим сдвигом» в современной историографии. Я имею в виду ту ситуацию, когда историки начали переносить свои научные интересы «из сферы макроисторических структур в область микроисторических ситуаций и повседневных отношений» [Там же, с. 154].

Лев Ефимович не успел воплотить этот новый для него (и для науки!) интерес в опубликованные тексты, но в его учебной деятельности сдвиг был явным. Это могут подтвердить те, кто слушал его лекции по новейшей истории Западной Европы в последние годы его жизни. В разговорах на кафедре он не раз упоминал о том, с каким наслаждением стал рассказывать студентам о конкретных, обычных (слово «повседневный» еще не вошло в лексикон) вещах и обстоятельствах.

Интеллектуальная интуиция Л. Е. Кертмана особенно четко проявлялась в таком любимом им жанре, как рецензия. Особое отношение к нему возникло еще в аспирантские годы Льва Ефимовича благодаря его научному руководителю Е. В. Тарле. Спустя 40 лет в одной из рецензий на издание некоторых трудов Тарле из его письменного наследия, подготовленное его учениками (в этот коллектив Кертман не вошел), Лев Ефимович вспоминал, что сам Евгений Викторович видел в рецензиях «особый и крайне важный жанр исторической литературы и публицистики» [Кертман, 1983, с. 179].

В годы работы в Пермском университете Лев Ефимович написал множество рецензий (23 рецензии опубликованы в московских научных журналах). Редакторы столичных исторических журналов, в которые, по мнению одного из провинциальных коллег Кертмана, «пробиться совершенно невозможно»¹, охотно помещали рецензии Кертмана на исторические монографии и учебники по новой и новейшей истории, так как его литературный стиль существенно и выгодно отли-

чался от стандартных текстов большинства рецензентов. Как правило, он писал рецензии на незаурядные публикации. Кроме того, Л. Е. Кертман поделился своими размышлениями по поводу сущности и стиля рецензий. Его волновал вопрос, насколько публикации такого рода побуждают к дальнейшему научному поиску [Кертман, 1984, с. 82–83].

Думаю, что не осталась бы без его рецензии и недавно изданная монография Л. П. Репиной, поскольку в ней отражена потребность историков осмыслить самые существенные теоретические и методологические достижения мировой исторической науки последних десятилетий. Уже четверть века Льва Ефимовича нет с нами. Я сознаю, какой дерзостью с моей стороны была бы попытка предположить, на какие моменты этой книги он обратил бы внимание, но не могу удержаться от искушения. Так же, как много раз сам Кертман, Лорина Петровна сожалеет о том, что «историки, как правило, не испытывают особой тяги к занятиям теорией» [Репина, 2011, с. 148]. Возможно, что внимание Льва Ефимовича могли привлечь те страницы этой книги, где идет речь о попытках некоторых историков разработать более рационалистические теории истории. Л. П. Репина ссылается на когнитивные теории, включающие понятие информации в качестве основы такой рациональности.

Возможно, что его могла бы заинтересовать глава о перспективах глобальной истории, так как в современных ее версиях «принцип целостности не исключает учета различий и многообразия» [Там же, с. 213]. Вряд ли мимо его внимания прошла бы и та глава книги Лорины Петровны, где она прослеживает динамику движения от социальной к социокультурной истории или анализирует результаты взаимодействия макро- и микроистории. Думаю, что Лев Ефимович мог бы согласиться со мной в том, что одним из интереснейших в монографии явился раздел, посвященный диалогу культур в контексте истории и в историческом познании.

Трудно представить, чтобы он не счел заслугой автора поистине планетарный масштаб исследования. Л. П. Репина анализирует не только работы, изданные в странах, которые уже не первый век составляют своеобразный авангард исторической науки, но и труды историков Мексики и Колумбии, Канады и Голландии, Польши и Болгарии, Финляндии и Норвегии. Есть ссылки и на исследования китайского историка. Будучи человеком необычайного трудолюбия, Кертман умел ценить это качество и у своих коллег.

Совсем уж фантастическим представлялось бы мое предположение о возможных упреках Л. Е. Кертмана в адрес автора. Однако вполне вероятно, что он мог обратить внимание на недостаточное использование в книге такого понятия, которое было важным для него самого. Я имею в виду понятие историографической ситуации. Лев Ефимович считал, что единый историографический процесс состоит из ряда относительно самостоятельных процессов, таких как накопление знаний, расширение проблематики, рост источниковой базы, обогащение методики и техники исследования, развитие методологии, пересмотр концепций, изменение в принципах организации науки и т.д. А историографическая ситуация есть такое состояние науки, которое складывается в результате синхронизации определенных стадий развития этих частных процессов [Кертман, 1987, с. 107]. Л. П. Репина применила это понятие [Репина, 2011, с. 557], но не использовала весь его потенциал.

Небезынтересно поставить вопрос: является ли интеллектуальная интуиция даром свыше или же она может появиться и развиваться в результате постоянной и напряженной творческой работы исследователя? Разумеется, у меня нет прямого ответа на этот вопрос, но если предположить, что возможно и то и другое, то одним из свойств Л. Е. Кертмана, способствующих такому развитию, было его умение работать в любых условиях и находиться в состоянии постоянной интеллектуальной включенности. Например, он был искренне удивлен, узнав, что я не размышляю над своей научной темой во время долгой поездки в автобусе, и упрекнул меня в том, что я недостаточно рационально использую свое время. Легкость его юмора и сочетание шутки и пользы иногда удивляли его учеников, но одновременно помогали нашему профессиональному становлению. Хочется надеяться, что его труды не пропали даром. Во всяком случае, наша благодарная память о нем выливается не только в эмоции, но и в попытки подобного осмысления сохранившихся воспоминаний.

Примечания .

¹ А. А. Урсу – Л. Е. Кертману. 20 апреля 1971 г. // Гос. архив Перм. края. Ф. Р-1715. Оп. 1. Д. 217. Л. 5.

Библиографический список

- Асмус В. Ф. Избранные философские труды. М., 1971. Т. 2.
Барг М. Шекспир и история. М., 1976.
Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950.
Знание о прошлом в современной культуре: матер. круглого стола // Вопр. философии. 2011. № 8.
Кертман Л. Е. Рецензия на книгу «Из литературного наследства академика Е. В. Тарле» // Нов. и новейш. история. 1983. № 1.
Кертман Л. Е. Рецензирование исторических трудов // Вопр. истории. М., 1984.
Кертман Л. Е. Понятие «историографическая ситуация» и его методологическое значение // Вопр. методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987.
Мир личности: Творческий портрет профессора Л. Е. Кертмана. Пермь, 1991.
Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.
Суриков И. Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011.

Дата поступления рукописи в редакцию 30.05.2012

L. KERTMAN'S INTELLECTUAL INTUITION

M. P. Lapteva

Perm State University, Bukireva st., 15, 614990, Perm, Russia
modhist@yandex.ru

The article continues the methodological development of the concept of «intellectual intuition» proposed by the author in a number of previous publications. New arguments are presented in favor of the use of the term. Thus, the author introduces new nuances in the treasury of the methodological and theoretical baggage of historical science.

This article is based on memories of the author on her student time, as well as on her joint work with Professor L. Kertman at the Department of Modern and Contemporary History, which he was a head of. The author's attention is directed to those episodes of academic communication with Kertman, which revealed his intuition and insight. Comparing his statements and observations with modern ideas, the author tries to reconstruct the thinking of the Professor and define his place in the scientific area of present time.

The article attempts to analyze a hypothetical situation – a possible Professor Kertman's assessment of one of the books published in 2011. The theme of this article could not be unnoticed by him because of his historiographical and methodological interests. The author takes into account the fact that reviews as a genre of book occupied a special place in L. Kertman's scientific work.

Thus, this paper successfully combines the author's own research, development of methodological problems of historical science and memories recollected by the author because of the jubilee – the 95th anniversary of the birth of L. Kertman. These materials have allowed the author to expand the scope of the concept of «intellectual intuition».

Key words: intellectual intuition, scientific insight, Professor L. Kertman, reviews, historiographical situation.

References

- Asmus V. F. Izbrannye filosofskie trudy. Moscow, 1971. Vol. 2.
Barg M. Shekspir i istoriya. Moscow, 1976.
Dekart R. Izbrannye proizvedeniya. Moscow, 1950.
Znanie o proshlom v sovremennoi kulture // Voprosy filosofii. 2011. No. 8.
Kertman L. E. Retsenziya na knigu: Iz literaturnogo nasledstva akademika E. V. Tarle // Novaya i noveyshaya istoriya. 1983. No. 1.
Kertman L. E. Retsenzirovanie istoricheskikh trudov // Voprosy istorii. Moscow, 1984.
Kertman L. E. Ponyatie «istoriograficheskaya situatsiya» i ego metodologicheskoe znachenie // Voprosy metodologii istorii, istoriografii i istochnikovedeniya. Tomsk, 1987.
Mir lichnosti. Tvorcheskiy portret professora L. E. Kertmana. Perm, 1991.
Repina L. P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vekov. Sotsialnye teorii i istoriograficheskaya praktika. Moscow, 2011.
Sovremennyye metody prepodavaniya noveyshey istorii. Moscow, 1996.
Surikov I. E. Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii. Moscow, 2011.